SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Четыре статьи о жизни и творчестве Льва Владимировича Канторовича - писателя, художника и сценариста. Юрий Герман написал о Канторовиче так: "Лев Владимирович Канторович родился в Ленинграде в 1911 году. Ещё мальчиком-самоучкой он начал работать помощником художника в Театре юного зрителя и в эту же пору увлёкся иллюстрированием книг. Девятнадцати лет от роду Лев Канторович выпустил два интереснейших альбома; сильные, броские, энергичные рисунки молодого художника сразу же были замечены и оценены по достоинству.. В эту же пору Канторович оформил спектакль в театре Нардома - пьесу Всеволода Вишневского "Набег". В 1932 году Лев Владимирович ушёл матросом в знаменитую полярную экспедицию на "Сибирякове". Рисовать "из головы" в спокойной обстановке мастерской он не любил. Он был путешественником по характеру, по натуре. Поход "Сибирякова" был началом бесконечных отъездов Канторовича. Через год Лев Владимирович ушёл в экспедицию на "Русанове", после военной службы, навсегда привязавшей его к погранвойскам, Канторович отправился в высокогорную экспедицию на Тянь-Шань, затем с погранвойсками участвовал в освобождении Западной Украины и Западной Беларуси, потом провоевал всю финскую кампанию и погиб ещё совсем молодым человеком в бою в начале Великой Отечественной войны. Работоспособность этого человека была поистине поразительной. Менее чем за десять лет он издал: "Пять японских художников", "Холодное море", сборник очерков об Арктике, книжку рассказов о пограничниках "Пост номер девять", "Граница" - сборник рассказов, "Рассказ пограничного полковника", сборник "Враги", повесть "Кутан Торгоев", ещё повесть "Александр Коршунов", книгу "Бой", сборник очерков "Пограничники идут вперёд", сборник рассказов "Сын Старика" и даже самоучитель по лыжному спорту под названием "Памятка лыжному бойцу". Кстати, эта последняя работа очень характерна для Канторовича, никогда не чуравшегося никакой работы. "Памятку" он написал потому, что она была нужна бойцам-пограничникам, и слово "нужно" решало вопрос. Свои книжки о походах и путешествиях, о пограничниках и моряках, об Арктике и о нарушителях границы Канторович иллюстрировал сам. Лев Владимирович так говорил о себе и о своей работе по радио перед самым началом Великой Отечественной войны: - По-моему, самое большое удовольствие - сложить вещи в чемодан или заплечный мешок и отправиться в дорогу. В странствиях мне

удалось провести треть моей жизни. Я был в нескольких полярных экспедициях, на лыжах ходил по Хибинам, плавал на яхте, пешком бродил по Кавказу, летал, ездил верхом, ездил на собаках, на оленях, и первые книжки, которые я написал, были очерками, описаниями путешествий... Сначала я был рядовым пограничником, а потом очень много ездил по границе. Мне нравятся наши пограничники. Я стараюсь учиться у лучших из них. Мне нравится их жизнь. Я стараюсь показать жизнь на границе такой, как она есть, - со всеми трудностями и горестями, лишениями и опасностями. Вы знаете, что в Красной Армии некоторые бойцы срочной службы просят не увольнять их и дают обещание служить пожизненно. Я уже давно дал такое обещание командирам пограничных войск. Художник-литератор-пограничник Лев Владимирович Канторович сдержал своё обещание. Он погиб 30 июня 1941 года в бою в составе отряда пограничников в кровопролитных сражениях под Выборгом. В 1932 году он был награждён орденом Трудового Красного Знамени, немного позже - орденом Знак Почёта, а за боевые подвиги в первые дни войны (посмертно) - орденом Красного Знамени."

-
- Память о писателе Льве Канторовиче – жива.
- К 75-Й ГОДОВЩИНЕ ГИБЕЛИ ЛЬВА КАНТОРОВИЧА
- «НА ТОЙ ВОЙНЕ НЕЗНАМЕНИТОЙ…»
- Юрий Герман

Память о писателе Льве Канторовиче – жива.
«Жизнь, которую нельзя забыть»

Лев Канторович был первой жертвой войны среди

ленинградских, да и вообще среди советских, писателей. Он погиб 30 июня 1941 года, на девятый день Великой Отечественной Войны

Предлагаем вашему вниманию статью из газеты « Пограничник» от 30 июня 1982 года Анастасия Егорьева-Канторович «**Будьте начеку!**» :

« Недавно мне довелось побывать на пограничной комендатуре офицера С. Еленского. В этих местах 30 июня 1941 года погиб мой муж, писатель Лев Владимирович Канторович. Поэтому каждая встреча с границей, с её людьми оставляет в моём сердце самые добрые воспоминания.

Всюду, где пришлось бывать, состоялись торжественные митинги, собрания, встречи с местным населением, школьниками.

На митинге у памятника-обелиска, установленном на месте гибели мужа, выступали многие. Звучали волнующие слова. Я видела строгие лица стоявших в строю пограничников, венки и гирлянды из зелёных веток, слышала ружейные залпы салюта…

«Никто не забыт, и ничто не забыто!» - время не умаляет значение этих слов. Они звучали на заставе офицера А. Шаверина, где в просторной и светлой Ленинской комнате развёрнута небольшая экспозиция, посвящённая жизни и подвигу писателя Л.В. Канторовича. Здесь я увидела его книги о пограничниках, рассказы, вырезки из фронтовых газет с его очерками и выступлениях.

Меня попросили рассказать о писателе Л.В. Канторовиче, чья творческая жизнь была связана с границей. Вспомнили и подвиг Андрея Коробицына, который в октябре 1927 года смело вступил в неравную схватку с четырьмя вооружёнными нарушителями границы.

Встреча наша проходила после XIX съезда ВЛКСМ, поэтому уместно вспомнить и о том, что в трудные годы среди орденоносцев, знатных комсомольцев Ленинграда, отличившихся в труде и воинской службе, был и молодой писатель лев Канторович. В 1932 году он был награждён орденом Трудового Красного Знамени, немного позже – орденом Знак Почёта, а за боевые подвиги в первые дни войны (посмертно) – орденом Красного Знамени.

Узнали пограничники и о том, что в издательстве «Советский писатель» готовится к печати книга, посвящённая творчеству писателя, что в Светогорске, недалеко от улицы Льва Канторовича будет установлен памятник – бюст писателя, работы известного ленинградского скульптора В.П. Астапова. В местной

средней школе создан силами пионерской дружины его имени, прекрасный, постоянно действующий музей, посвящённый жизни и творчеству Л.В. Канторовича.

Встречи с воинами границы проходили также на заставах офицеров О. Кондратьева, В. Суслова и других. Столь большое внимание к памяти писателя–фронтовика – лучшая награда тем, кто не дожил до наших дней, но ценой своей жизни дал возможность всему советскому народу вот уже тридцать семь лет жить и трудиться без войны.

Своими глазами видела, что на границе служат люди мужественные, смелые.

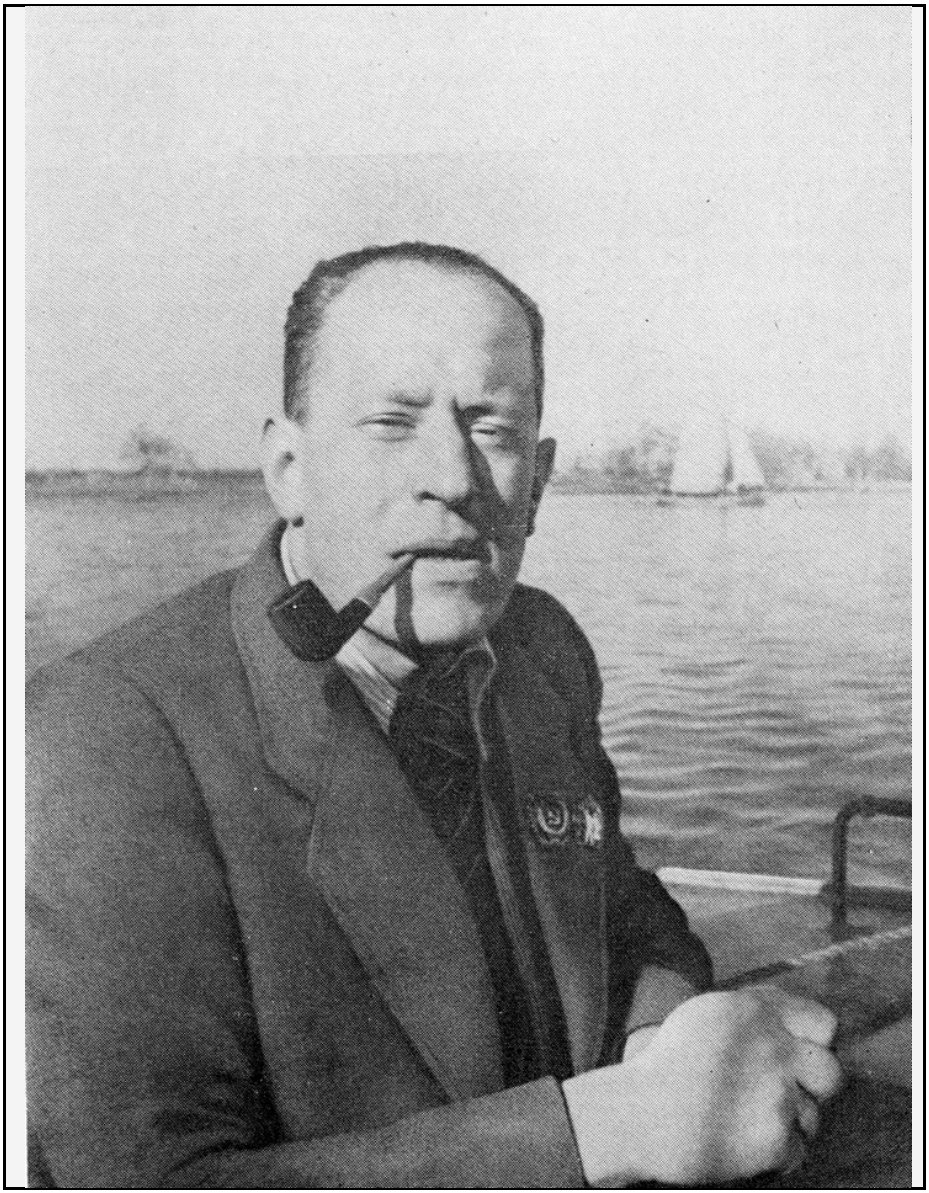
Хочется, чтобы и молодые воины, недавно надевшие зелёные фуражки, воспитывали в себе высокую дисциплину, смелость, бдительность. Служите честно, добросовестно. Это нужно для всех нас, для Союза Советских Социалистических Республик, 60-летие образования которого мы скоро будем отмечать. Будьте начеку, дорогие мои пограничники!»

Источник :

https://svetogorsk.bezformata.com/listnews/pisatele-lve-kantoroviche-zhiva/906280/

К 75-Й ГОДОВЩИНЕ ГИБЕЛИ ЛЬВА КАНТОРОВИЧА

29.06.2016



После окончания Зимней войны писатель и военный журналист Лев Канторович вернулся в Ленинград.

Когда встречались с товарищами по службе и по литературной работе, вспоминали пережитое, уход друзей. В их числе и Сергея Диковского, широко известного своими рассказами и повестями о пограничниках; прозаика Михаила Чумандрина, посмертно награждённого орденом Ленина. Радовались и за оставшихся в живых и отмеченных орденом Красной Звезды Александра Прокофьева и Геннадия Фиша.

В Ленинграде Лев Канторович продолжал вести активную общественную жизнь: выступал на творческих вечерах, ездил к пограничникам на заставы, где рассказывал о прошедших событиях. Прекрасный рассказчик, он всегда стремился психологически раскрыть ход военных действий, раскрыть поведение и характер человека в боевой обстановке.

Тогда же Канторович работает над сценарием будущего фильма «Александр Коршунов». В это время он готовит и публикует в литературных журналах ряд рассказов о событиях, происходящих во время освобождения Западной Белоруссии, участником которого он был.

Он напряженно трудился над своими фронтовыми записями, старался быстрее закончить их литературную обработку для дальнейшего опубликования. За этот короткий мирный период вышли книги: «Пограничники идут вперед», «Александр Коршунов», «В боях» , «Сын старика», а также сборник рассказов.

Лев Владимирович прекрасно понимал, что приближаются события, которые изменят всю мирную жизнь. Как воин-пограничник он знал о концентрации немецких и финских войск близ границ СССР. Его боевой опыт подсказывал, что мирная передышка не будет долгой.

22 июня 1941 года враг вероломно напал на нашу страну, и в этот же день немецкая авиация впервые произвела минирование фарватера морского порта и Кронштадта.

В связи с заявлением президента Финляндии Р. Рюти, командование Северного фронта 27 июня направило в войска директиву о том, что начала военных действий финнов и немцев против нашего фронта следует ожидать с часу на час. Поэтому воинские соединения получили приказ выдвинуться к рубежам прикрытия государственной границы и быть готовыми к отражению наступления противника.

Границу с Финляндией охраняли подразделения Ленинградского пограничного округа: 33-й погранотряд (штаб –

поселок Сяккиярви (Кондратьево); 5-й Краснознаменный погранотряд (штаб – в городе Энсо, ныне Светогорск); 102-й погранотряд (командир – полковник С. Донсков, штаб – в пос. Элисенваара).

Границу по побережью Финского залива охранял 103-й погранотряд (начальник отряда – майор П. Никитюк, штаб – в городе Койвисто, ныне Приморск).

Согласно плану прикрытия государственной границы в полосе Энсо оборону держали воины 115-й стрелковой дивизии (командир – генерал-майор В.Ф. Коньков). Этой дивизии отводилась полоса обороны протяженностью по фронту более 40 км на участке Варне – Курманпохья.

23 июня 1941 г. Лев Канторович снова надел обмундирование с зелеными петлицами и направился в Энсо. Здесь он отправил письмо своей семье, в котором говорилось: «…Наконец могу написать вам. Жизнь течет неплохо, хотя времени мало и что-то не выходит насчет сна. Настроение зато в полном порядке. Встретил здесь много старых друзей, и жить с ними и работать отлично. Если придется задержаться с ними надолго, не буду возражать. За это время успел почти дважды пересечь весь Карельский перешеек…».

С 26 июня налеты авиации противника стали сопровождаться обстрелами и бомбежками пограничных застав, комендатур, штабов и частей Красной Армии. Наземные части противника закончили свое сосредоточение вдоль линии государственной границы к исходу 26 июня 1941 г. С этого момента финские войска начали постоянно вести разведку нашей территории.

В своем письме от 26 июня Канторович писал: «Ты, наверное, уже знаешь, что у нас тоже началась драка… Дела идут, настроение хорошее. Времени очень мало».

Первое боевое столкновение на участке северной границы произошло 28 июня. Об этом бое доложил в Генеральный штаб заместитель наркома НКВД СССР генерал-лейтенант И. Масленников: «…с 18 часов до 21 часа 30 минут на участке 10-й заставы Куолаярвинского пограничного отряда (13 километров севернее поселка Куолаярви Карело-Финской ССР) две группы противника перешли через государственную границу, но огнем пограничного отряда при поддержке взвода Красной Армии отброшены на территорию Финляндии, оставив на поле боя одного убитого, оружие и документы.

В ночь с 28 на 29 июня на участке 102-го погранотряда имели место боевые столкновения на участках 3, 5, 9, 10 и 12 застав.

В 03.00 29 июня рота противника, поддержанная танками,

повела наступление на участках 3, 5, 6 и 8 застав 5-го Краснознаменного погранотряда. Контрударом пограничников финские войска были отброшены».

Активные боевые действия на Карельском перешейке начались в ночь с 28 на 29 июня. В три часа утра после артиллерийской подготовки Юго-Восточная армия финских войск перешла в наступление, имея главную задачу – ворваться в Ленинград с севера. Свой удар они нанесли в стык 190-го и 50-го стрелковых корпусов.

«В 6.39 после трехчасового боя противник занял город Энсо.

В 13.15 противник выбит из города Энсо.

В 15.40 на ряде участков противник отброшен за линию государственной границы. Бои не прекращаются ни на час. К границе подходят подразделения Красной Армии».

30 июня 1941 года писатель-пограничник Лев Владимирович Канторович погиб под городом Энсо. Он стал первым из писателей, отдавших свою жизнь в Великой Отечественной войне.

Спустя годы были установлены конкретные обстоятельства, при которых погиб Канторович. Эти сведения сообщил начальник погранотряда В.Т. Андрияненко. Он написал, что «Канторович трижды ходил в контратаку, когда погранзастава отбивалась от напора врага, а начальник заставы (мл. лейтенант Худяков - прим. авт.) погиб во второй контратаке. Когда 28 июня финны предприняли второе по счету наступление на 5-ю городскую погранзаставу, которая занимала командную высоту на окраине Энсо, Лев Владимирович с автоматом в руках повел за собой бойцов. Наступление финнов было приостановлено».

Писатель показал себя настоящим солдатом, который знал свое место в бою. Разил врага огнем из автомата и шел в рукопашную схватку во время контратаки.

Рассказал Андрияненко и о последней поездке на мотоцикле вместе с двумя пограничниками для уточнения боевой обстановки боя и установления связи с соседней заставой. Их обстреляли просочившиеся в тыл враги, которые заняли очень выгодную позицию на территории лесосклада. «Старшина был убит. Лев Владимирович смертельно ранен… Старший лейтенант Жеребцов, получивший легкое ранение в руку, оттащил Льва Владимировича от дороги к пустующему зданию виллы, где размещалась санчасть (медсанбат 115-й стрелковой дивизии, – прим. авт.). Он не донес его до здания примерно 8 – 10 метров».

На месте гибели писателя установлен обелиск, у которого всегда лежат цветы. Их приносят жители Светогорска и приезжающие поклониться воину-пограничнику Льву Канторовичу. За бои под Энсо писатель посмертно награжден

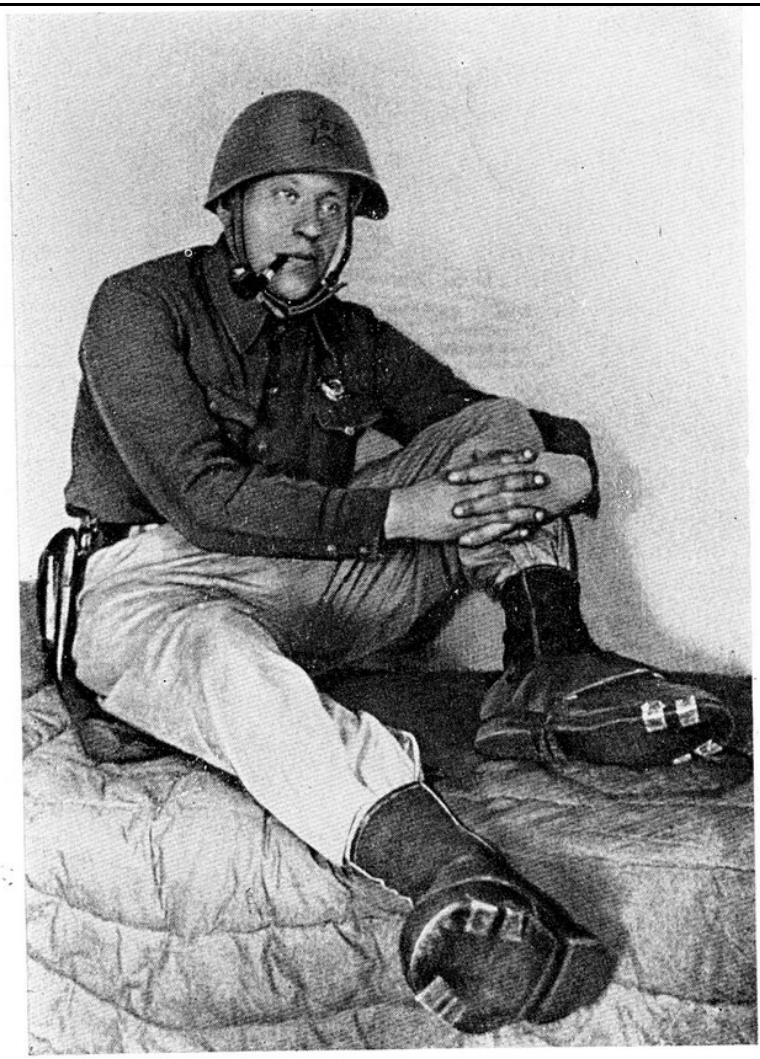
орденом Красного Знамени.

Мирхат Мусин, член исторического клуба Ленинградской области, краевед

Источник:
https://gazetavyborg.ru/news/k-75-y-godovschine-gibeli--lva-kantorovicha/

«НА ТОЙ ВОЙНЕ НЕЗНАМЕНИТОЙ…» Писатель Лев Канторович о финской кампании

11.03.2016



В землянке. Март 1940 г.

76 лет назад закончилась Советско-Финляндская война (30.11. 1939-13.03.1940), память о которой продолжает жить в наших сердцах. Солдатам не дано выбирать ни время, ни место, где придется пролить кровь или сложить голову - они выполняют боевую задачу, отдавая за это жизнь. В тех событиях принимали участие многие писатели и поэты, которых мобилизовали, как и других, на «большие сборы». Одни из них непосредственно участвовали в боях, как артиллерист Михаил Дудин, сапер Борис Лихарев, другие работали в дивизионных и окружных газетах - Александр Твардовский, Николай Тихонов, Александр Исбах, Всеволод Саянов, Евгений Долматовский, Юрий Инге, Елена Вечтомова, Цезарь Солодарь.

Так с первых дней на финский фронт попал и Лев Владимирович Канторович. К этому времени он уже был известным писателем, воином-пограничником, орденоносцем. Свой первый орден Трудового Красного Знамени он получил за героическую полярную экспедицию на пароходе «Сибиряков»; затем – служба в пограничных войсках и первые литературные произведения. Льва Канторовича тепло встречали пограничники, считая своим. Погиб писатель в районе Энсо (Светогорск).

В своих рассказах Канторович фиксирует события, не упуская мельчайших подробностей, стремится отразить факты, о которых в те времена старались не упоминать.

«На участке нашей заставы – мост через реку Сестру. Железнодорожный мост. Половина моста красной краской выкрашена и половина белой. Граница, значит, как раз посередине моста и есть. На нашей, то есть на советской стороне, неподалеку от моста – станция Белоостров. На их, на финской стороне, – станция Райоки».

«…Потом говорил начальник заставы. Маленького роста, сухой и подтянутый, он говорил короткими, как приказания, фразами. Он еще раз повторил боевую задачу. Каждый из нас отлично знал свое место, но каждый еще раз внимательно слушал командира…

Мы тихо выходили на двор заставы и строились. Низкие облака заволокли небо. Было темно. Командиры проходили по рядам и шепотом отдавали последние приказания.

…Нам было приказано: в семь ноль-ноль занять исходное положение; в восемь ноль-ноль начнется артиллерийская подготовка и от восьми ноль-ноль будут говорить пушки; в восемь тридцать пограничникам перейти границу, атаковать, уничтожить вражеских пограничников и занять кордоны».

«Мы стояли на вершине холма. Наши ноги выше колен ушли

в рыхлый снег. Ноги озябли и шинели были мокрые от талого снега, и пальцы на руках закоченели. Мы стояли, не двигаясь, и молчали.

…Снег шел все время. Было очень тихо. Потом низко над горизонтом появилась красная полоса, будто красная светящаяся трещина на небе. И еще несколько таких же красных трещин, и все небо озарилось красным светом, будто десятки солнц сейчас поднимутся над потемневшей землей. Красный свет полыхал на небе, зарево разливалось очень широко, и только тогда мы услыхали гул и потом тяжелый грохот разрывов и могучее шуршание снарядов над нашими головами. Весь воздух, все серое пространство наполнилось громом, и гром все рос и усиливался. Красное зарево горело ровным огнем, и на красном вспыхивали оранжевые молнии, и все небо стало коричнево – красным. Мы стояли на холме и смотрели, как загораются новые огни, и слушали удары орудий. Какие-то, особенные, глухие и медленные удары вырываются из ровного гула. Воздух разрывается на части. Это продолжалось полчаса. Ровно полчаса, от восьми до восьми тридцати».

«В роще стояла батарея, и орудия стреляли одно за другим. Деревья вздрагивали при каждом выстреле. Из рощи выбежал горностай. Он бежал по ямкам, выбитым гусеницами танков. Его белая шкурка ярко выделялась на сером снегу. Хвост горностая, пушистый, с черным кончиком, вздрагивал. Бежал горностай неровными шажками и шатался из стороны в сторону. Мы все видели, как маленький зверек бежал, тычась мордочкой в снег. Рот горностая был широко раскрыт. Горностай бежал у самых наших ног. Наверное, он ничего не соображал, и его блестящие круглые глазки ничего не видели. Он убегал от ужасного грома орудий, убегал, сам не зная куда».

Канторович рассказывает об артподготовке, о переходе через реку, а мы видим желтый песок у вершины горы, синие тени в лесу, броню танков, выкрашенных в белый цвет. Он очень точно описывает психологическое состояние человека перед боем. Мне самому приходилось испытывать это состояние, которое очень трудно передать словами:

«А тихо, знаете, было…

Ну, ходим возле моста и, конечно, волнуемся. А чего скрывать? Чего? Я честно говорю: волновались мы все здорово. И разве можно не волноваться?

Все мы, товарищи, шли в бой первый раз в жизни.

Вот стоим, значит, у моста и ждем, и думает каждый из нас свои думы. Вот у меня, например, дочка родилась. Я, значит, недавно женился. В отпуск, значит, ездил домой и женился. Ну, и

родилась дочка.

Шутка сказать, дочка у меня!.. А какая она, дочка-то, из себя – я не знаю…

А лейтенант Суслов как раз подходит ко мне и шепчет:

– Иди, Горбунов… Вот оно!

Я медленно, медленно шел. Три минуты, знаете ли, это много времени…»

Прозу Льва Канторовича отличает точная прикрепленность событий к месту и времени - все говорит о том, что он в это время был именно на этой заставе, оттого и документальная точность, и достоверность его рассказа.

От рассказов «Так начиналась война», «Мост наш», «Командировка», отличавшихся большой сдержанностью, раскрытием драматизма военных будней, Канторович приходит к пониманию трагизма происходящего («Кочкин и Лазебников»).

«В лесу вырыли могилу, и снег над могилой лежал острой кучей. Мерзлую землю тяжело было рыть, и большой камень оказался в земле как раз в том месте, где рыли могилу. Камень взорвали саперы. Звук взрыва прокатился по снегу».

Ужас в том, что на войне каждая минута может оказаться последней.

«…пограничники несли тело товарища к могиле в лесу. Неожиданно на дороге защелкали выстрелы. Стреляло сразу много винтовок, и торопливо простучал пулемет. Тело убитого товарища они положили на снег. Выстрелы раздавались непрерывно».

В военном цикле писателя несколько особняком стоит рассказ «Мы наступаем в лесу», в котором он не только излагает ход боевой операции, но и психологически точно раскрывает характер людей на войне. Проза Канторовича – это живое свидетельство одной из страниц нашей истории, свидетельство очевидца и участника, тем она и ценна.

Мирхат Мусин, краевед, член исторического клуба Ленинградской области

P.S. Творчество писателей и поэтов, рассказывавших о сражениях той «незнаменитой» войны, мы длительное время изучаем совместно с сотрудником петербургского музея «А музы не молчали» Вячеславом Кокиным. В настоящее время установлено 72 литератора, писавших о Зимней войне; большинство из них участвовало в боях.

P.P.S. Благодарю сотрудников краеведческого отдела библиотеки Алвара Аалто за помощь в подготовке этой публикации.

Интересен документ, хранящийся в архиве Льва

Канторовича:

«Приказ №74 от 3.03.30 г. 1-му Петрозаводскому полку войск НКВД.

Находящийся в полку от 14.02.40 г. в творческой командировке писатель Конторович Л.В. показал себя боевым писателем-большевиком. По инициативе Канторовича была организована на передовых позициях встреча героев-пограничников, на которой пограничники поделились боевым опытом героической борьбы с белофиннами. Товарищ Канторович явился инициатором составления текстов обращения к белофинским солдатам и лично участвовал в организации передачи этих текстов по радио с передовых позиций.

На организованной встрече с авторами боевых листков поделился своим опытом и дал указания в военкоровской работе.

Владея в совершенстве лыжами, оказал ценную помощь полку в обучении командирского, политического и рядового состава технике хождения и боевого использования лыж в борьбе с финской белогвардейщиной.

Будучи привлечен к проведению занятий по лыжной подготовке на сборах комсостава полка, упорно, настойчиво и умело привил инструкторские навыки в боевом использовании лыж.

Отмечая исключительную инициативу и активность тов. Конторовича в ходе оказания помощи полку в борьбе с белофиннами, от лица службы объявляю благодарность и возбуждаю ходатайство перед начальником войск НКВД о представлении писателя Конторовича Льва Владимировича к правительственной награде.

Командир части полковник Донсков Военком полка батальонный комиссар Овчинников

Начальник штаба майор Кроник

(Орден «Знак почета» от 28.04.40.)»

Мирхат Мусин, член исторического клуба Ленинградской области, краевед

Источник:
https://gazetavyborg.ru/news/na-toy-voyne--neznamenitoy/

Юрий Герман
ПОСЛЕСЛОВИЕ
(к сборнику Л. Канторовича "Полковник Коршунов")

Лев Владимирович Канторович родился в Ленинграде в 1911 году. Еще мальчиком-самоучкой он начал работать помощником художника в Театре юного зрителя и в эту же пору увлекся иллюстрированием книг. Девятнадцати лет от роду Лев Канторович выпустил два интереснейших альбома; сильные, броские, энергичные рисунки молодого художника сразу же были замечены и оценены по достоинству. Альбомы назывались: "Будет

война" и "За мир". В эту же пору Канторович оформил спектакль в театре Нардома - пьесу Всеволода Вишневского "Набег". А в 1932 году Лев Владимирович ушел матросом в знаменитую полярную экспедицию на "Сибирякове". Рисовать "из головы" в спокойной обстановке мастерской он не любил. Он был путешественником по характеру, по натуре. Поход "Сибирякова" был началом бесконечных отъездов Канторовича. Через год Лев Владимирович ушел в экспедицию на "Русанове", после военной службы, навсегда привязавшей его к погранвойскам, Канторович отправился в высокогорную экспедицию на Тянь-Шань, затем с погранвойсками участвовал в освобождении Западной Украины и Белоруссии, потом провоевал всю финскую кампанию и погиб еще совсем молодым человеком в бою в начале Отечественной войны.

Мы, его товарищи, помним Леву Канторовича всегда спокойно-веселым, несколько насмешливым, глубоко жизнерадостным и удивительно легким человеком. И путешествовал он как-то легко, и писал без всякого "избранничества" на челе, и сочинял свои книжки с радостью, жизнелюбиво, всегда и во всем отыскивая хорошее, человечное, сильное, мужественное. И книги, и рисунки, и замыслы Льва Владимировича были полны гордостью за дела советских людей, гордостью за то, что ему выпало счастье не только знать или слышать о том или ином проявлении высоких чувств и дел нашего народа, но и самому участвовать в трудных и ответственных заданиях, поставленных перед моряками, учеными, воинами нашей страны социализма.

Лев Канторович работал всегда, везде, в любых обстоятельствах. Работать для него было совершенно то же, что дышать. И так же, как люди дышат, ничем особым не отмечая эту свою нормальную деятельность, - так трудился Лев Владимирович, никогда не отделяя досуг от работы. Многие свои картины он писал при гостях, но не гостях-пустомелях, а гостях-деятелях, работниках. Канторович писал маслом, а два его приятеля, летчики, рассуждали между собою о своих летных делах, и Лев Владимирович вдруг отрывался от картины и незаметно брал карандаш - записать в блокнот то, о чем толковали летчики, - пригодится на будущее.

Работоспособность этого человека была поистине поразительной. Менее чем за десять лет он издал: "Пять японских художников", "Холодное море", сборник очерков об Арктике, книжку рассказов о пограничниках "Пост номер девять", "Граница" - сборник рассказов, "Рассказ пограничного полковника", сборник "Враги", повесть "Кутан Торгоев", еще повесть "Александр

Коршунов", книгу "Бой", сборник очерков "Пограничники идут вперед", сборник рассказов "Сын Старика" и даже самоучитель по лыжному спорту под названием "Памятка лыжному бойцу". Кстати, эта последняя работа очень характерна для Канторовича, никогда не чуравшегося никакой работы. "Памятку" он написал потому, что она была нужна бойцам-пограничникам, и слово "нужно" решало вопрос. Отличный лыжник и спортсмен, Лев Владимирович знал, что он напишет памятку хорошим, простым, понятным, доходчивым языком, и писал эту свою брошюрку увлеченно, читая ее вслух товарищам нелыжникам и спрашивая:

- Тебе все понятно? Вот ты ничего про лыжи не знаешь, а понятно? Объясни то, что тут написано...

Или:

- Не скучно? Понимаешь ли, такая книжка не имеет права быть скучной.

Или еще:

- Прочитаешь эту книжку - захочется встать на лыжи?

Свои книжки о походах и путешествиях, о пограничниках и моряках, об Арктике и о нарушителях границы Канторович иллюстрировал сам. И всегда всего ему не хватало: не хватало поездок по стране, не хватало друзей, не хватало впечатлений, не хватало времени, чтобы описать и нарисовать то, что он видел и знал. Ему вечно было как-то весело-некогда, он постоянно не суетливо, но энергично спешил и удивительно мило завидовал своим товарищам художникам, писателям, журналистам только по одному поводу:

- Смотри, в какую переделку человеку удалось попасть. Повидает! А что я? Сижу и пишу второй месяц подряд.

И писал или рисовал в ожидании нового потока, нового обвала впечатлений, встреч, жизненных переделок и переплетов, в которых, как считал Канторович, и познаются люди. Помню, познакомил он меня с одним из наших известных полярников, а потом с сокрушением говорил:

- Нет, это что! Здесь - это другой человек. Жена, детишки, бабушка. Вот ты бы его там посмотрел, в деле, в "переплете", когда он весь виден. Там он орел!

И, наверное, это было именно так: в деле человек - орел. Чтобы видеть советских людей в их делах, видеть их совершающими поступки, видеть их лучшие человеческие качества - и ездил по стране Лев Владимирович.

Ему все было интересно, а если он за что-нибудь брался, то вкладывал в работу всю душу, и трудно вспомнить случай, когда бы он был полностью доволен сделанным. На моей памяти он интересно и своеобразно иллюстрировал стихи Бориса

Корнилова, "Пограничников" Михаила Слонимского, "Катастрофу" Павла Далецкого, книги Дос-Пассоса, Драйзера, Джека Лондона - и всегда работа захватывала его целиком. А разглядывая вышедшую из печати книгу, он сердился:

- Черт знает что! Совсем иначе надо было это делать.

Иллюстрируя мой роман "Наши знакомые", он показывал мне эскизы и сердился, если я хвалил. Он жаждал спора, ему хотелось доказывать свою правоту, хотелось, чтобы ему возражали и чтобы таким путем возникла истина полная, абсолютная... на сегодня. Завтра Лев Владимирович вновь бы подверг уничтожающей критике собственную работу. А ведь именно в этом и есть залог движения художника вперед.

Как к литератору он относился к себе чрезвычайно сурово и строго:

- Я пишу плохо, - говорил он, - но дело в том, что я должен писать. Мне интересно рассказывать людям о том, что я видел, знаю, слышал. И, может быть, мои книжки полезны? А? Ведь не могу же я все нарисовать. Верно? Пусть считается, что это подписи под картинками...

Он вел удивительные дневники - и литератора и художника. Сейчас они выглядят как шифр, к которому утерян, и, к сожалению, навечно, ключ. В дневниках короткие, непонятные нынче записи и картинки. А в свое время Канторович, перелистывая эти записные книжки, бесконечно и очень увлекательно и рассказывал, и показывал то, что потом будет сделано из этого шифра литератора-художника. Тут были десятки сюжетов, взятых из самой жизни, с подробностями, с пейзажами, с характерами.

Лев Владимирович так говорил о себе и о своей работе по радио перед самым началом Отечественной войны:

- По моему, самое большое удовольствие - сложить вещи в чемодан или заплечный мешок и отправиться в дорогу. В странствиях мне удалось провести треть моей жизни. Я был в нескольких полярных экспедициях, на лыжах ходил по Хибинам, плавал на яхте, пешком бродил по Кавказу, летал, ездил верхом, ездил на собаках, на оленях, и первые книжки, которые я написал, были очерками, описаниями путешествий...

Сначала я был рядовым пограничником, а потом очень много ездил по границе. Мне нравятся наши пограничники. Я стараюсь учиться у лучших из них. Мне нравится их жизнь. Я стараюсь показать жизнь на границе такой, как она есть, - со всеми трудностями и горестями, лишениями и опасностями. Вы знаете, что в Красной Армии некоторые бойцы срочной службы просят не увольнять их и дают обещание служить пожизненно. Я уже давно

дал такое обещание командирам пограничных войск.

Художник-литератор-пограничник Лев Владимирович Канторович сдержал свое обещание. 30 июня 1941 года в первом бою он был убит. Пограничники поставили ему памятник.

О Льве Канторовиче невозможно думать как о человеке, навсегда ушедшем от нас. Слово "смерть" и имя "Лев Владимирович Канторович" - взаимно исключающие понятия. А вот жизнь и Лев Канторович, жизнь - в ее непрерывном поступательном движении, в смене времен года, в дальних и трудных экспедициях, в нелегкой радости бытия - это близкое, неразделимое, единое.

"Летчики не умирают! - говорят в авиации. - Летчики просто улетают".

Такие люди, как Лев Владимирович Канторович, не умирают. Они просто не возвращаются из экспедиции или из боя.

Лев Владимирович прожил всю свою недлинную жизнь на переднем крае. Он был советским человеком в подлинном смысле этого слова. Нет, он не был искателем приключений - он шел туда, где был нужен, где чувствовал себя полезным, он шел туда, куда вел его долг. И шел без всякой патетики, без жертвенности: весело, жизнерадостно, "по собственному желанию". Немыслимо представить себе Льва Канторовича "эвакуированным как талант" в Ташкент, в Алма-Ату. Но ясно видишь его участником военного труда, опасного плавания, тяжелого пешего перехода, ясно представляешь его в условиях блокады, до которой он не дожил, - всегда спокойно-веселого, ясноглазого, всегда работника-делателя.

В годы Великой Отечественной войны, в повседневности газетной работы многие из нас постоянно вспоминали Льва Владимировича как живого, а не как ушедшего навсегда. И вспоминался он не окутанный некой лирической дымкой, а как делатель, как дозарезу необходимый труженик. Вот прикидываем, бывало, полосу во флотской газете, не ладится дело, серой и скучной кажется работа, - и вдруг с досадой подумаешь: "Эх, сюда бы нашего Льва Владимировича, он бы все придумал и, главное, ничего бы никому не перепоручал, а все бы быстро, толково, интересно и по-своему сделал сам. И всем бы весело было смотреть на его ловкие руки, на прищуренно-оценивающий взгляд, всем было бы не обидно слушать его подшучивания над неудачными стараниями тех, кто до него подготовлял полосу". И пусть будут прощены мне эти слова, но не без раздражения иногда взглянешь на своих коллег по профессии: один, видите ли, прозой не занимается, поскольку он драматург, другой изящно именует себя новеллистом, на третьего не снизошло вдохновенье

и он не написал веселой басни, так нужной для этой полосы. И думаешь: "Вот был бы с нами Лев Владимирович, показал бы он этим божьим избранникам, этим витиям, он бы с ними поговорил по-настоящему, по-своему, без реверансов и церемоний, поговорил бы, как положено говорить труженику с людьми, желающими легкой жизни".

Так вспоминался наш товарищ, а ведь ушедшие от нас продолжают жить с нами своим делом, трудом, умением быть нужными не в праздники, а в будни.

Хорошо помнится, как начинал писать Лев Владимирович. Вначале он как бы стеснялся писать прозу и то, что было по существу уже прозой, продолжал называть подписями под картинками. Но не писать прозу он не мог, ему непременно нужно было рассказать людям о том, что он узнал о них, живя с ними не в ленинградский квартире, не в ателье художника, а на пограничной заставе, в кубрике корабля, в землянке на фронте, в лыжном переходе. Он не мог ждать, покуда это все напишут другие, а кисти и карандаша ему не хватало для повествования. Творческая энергия била через край, а устные пересказы друзьям не удовлетворяли его самого. И стыдливо, сначала для себя, потом только для очень близких людей он начал описывать ту правду трудных будней, которую умел наблюдать и которую знал по собственному житейскому опыту. Он всегда рассказывал увлеченно и в то же время стыдливо-целомудренно, с огромной любовью к советским людям. Он не мог не писать эти свои невыдуманные истории. А впоследствии и рамки прозы стали писателю тесны, он написал пьесу, написал киносценарий, и сколько бы он еще сделал, если бы не передний край и не бой, в котором он погиб как солдат, с автоматом в руках!

Работал он всегда, везде, всюду, умел и любил делать все. Помню, как смешно и трогательно заарендовал он себе дачку. Пожил там зимой в холоде и мерзлоте несколько дней, потом пришел ко мне посмотреть слово "плита" в энциклопедии. Выяснилось, что два жулика-печника взялись построить на даче плиту, получили задаток и, "представляешь, растворились", как выразился Лев Владимирович. Он рассердился, впрочем не столько рассердился, сколько обиделся: он сам был человеком труда, человеком слова. А обидевшись, принялся сооружать плиту сам. В конце концов ему удалось соорудить нечто напоминающее очаг первобытного человека. В этом очаге затеплился огонь, Лев Владимирович сидел перед горячими угольями, попыхивал трубкой и радовался. А через несколько дней он исчез со своей дачки, соскучился и отправился к пограничникам. Он не умел быть один, не умел отгораживаться от людей, не нужна ему была

никакая собственность: красное дерево, хрусталь и прочая дребедень, которая, к сожалению, еще существует в качестве "антуража" у некоторых писателей, художников, актеров и ученых. Пара добрых ботинок на толстой подошве, табак, лыжи, фуфайка, удобный перочинный нож, которым Лев Владимирович мог хвастаться неделями совершенно по-мальчишески, добрые друзья, но такие, с которыми можно подолгу спорить, и отъезды, отъезды, отъезды, причем без проводов, а вот так, сразу, смаху, - телефонный звонок и характерный голос:

- Ну как ты там?

- Ничего, а ты?

- Я-то лично с вокзала.

- Провожаешь кого-нибудь?

- Боже сохрани! Сам уезжаю.

- Надолго?

- Не скажу.

- Куда?

- Не скажу.

- Секрет?

- Не секрет, а просто чтобы ты как следует помучился от любопытства, а в дальнейшем - от зависти. Будь здоров. Пока...

"Пока" - на три-четыре месяца.

И возвращение от новых друзей, и новые друзья, которые приезжали вместе с Канторовичем, и рассказы о великолепных парнях (о плохих людях Лев Канторович не любил говорить), новые работы, эскизы, масса планов всегда и во всем.

Помню, Канторович начал учиться управлять автомобилем. Я к тому времени ездил уже давно. Белой предвоенной ночью, за несколько дней до войны поехали мы за город. Всю дорогу с отчаянной смелостью Лев Владимирович "прижимал меня", обгонял, пропускал вперед и вновь обгонял. Это было не лихачество, он просто учился, но по-своему, в соответствии со своим характером. Учился и хохотал, слушая мои упреки и жалкие слова о том, что так не ездят, что это черт знает что, что мы оба в конце концов разобьемся. А когда доехали, Канторович сказал:

- Видишь, оба живы и нисколько не разбились, а я, к тому же, здорово подучился. Посмотришь - я буду великолепно ездить... Но и сейчас я вожу машину не хуже тебя...

Лев Канторович погиб, его нет среди нас. Нет участника экспедиций, художника, воина, агитатора, политработника, писателя. Но мы его помним и любим, как всегда любили, когда он уезжал в свои всегдашние отлучки. Самое дорогое - свою жизнь - он отдал, не колеблясь, за нашу Родину. Он никогда не

уходил с переднего края. Таким он и остался в нашей памяти - человек, литератор, друг, художник - Лев Владимирович Канторович.

В первые дни Отечественной войны он писал своей жене:

"Жизнь течет неплохо, хотя времени мало и что-то не выходит насчет сна. Настроение зато в полном порядке. Встретил здесь много старых друзей, и жить с ними и работать неплохо. Если придется задержаться с ними надолго, не буду возражать. Помни, что главное - хладнокровие и веселый взгляд на вещи. Чем вещи серьезнее, тем важнее веселиться. Вот мы и собираемся повеселиться на славу".

А в другом письме сказано:

"Жизнь наша протекает по-прежнему, и по-прежнему здесь хорошая погода. Хотя, очевидно, барометр падает. Поживем - увидим. Имей в виду и передай всем знакомым, что Адольфу Гитлеру башку мы снесем. Это точно".

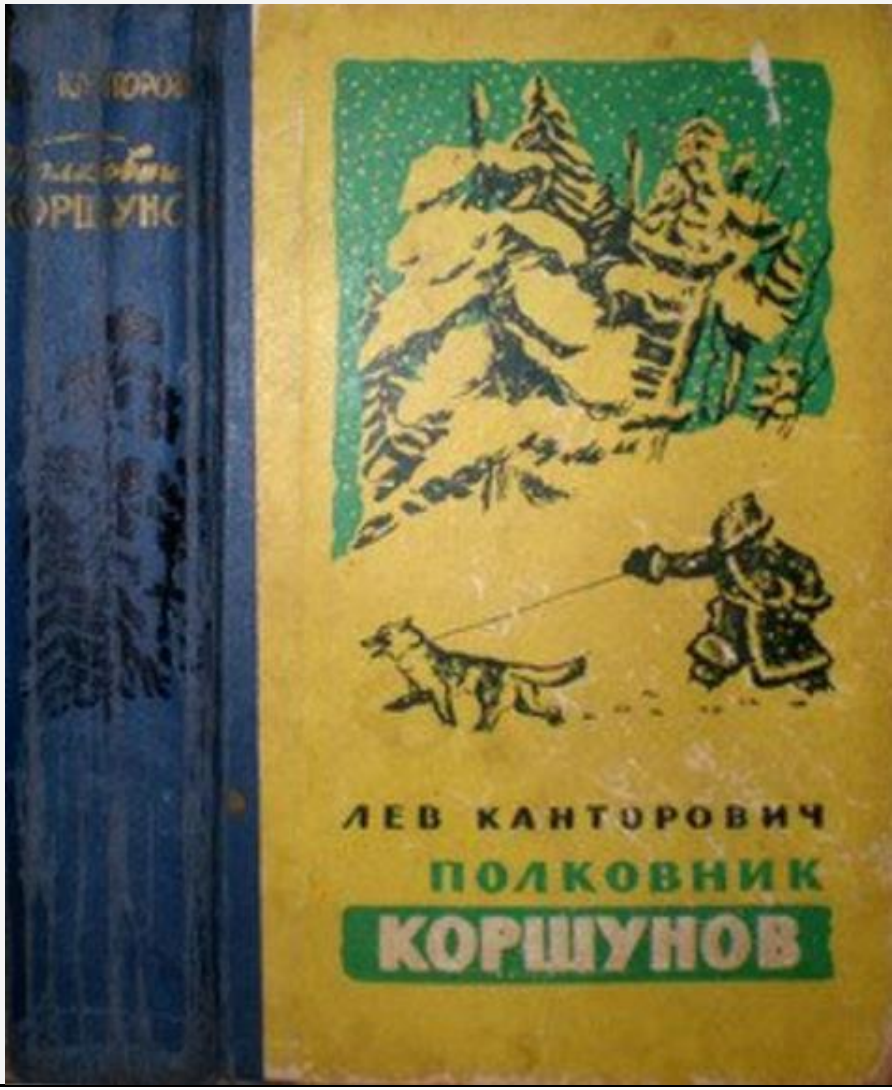
Накануне своей смерти Канторович написал:

"Ты, наверное, уже знаешь, что у нас тоже началась драка. Все превосходно. Дела идут, настроение хорошее. Времени очень мало".

Вот таким человеком был Лев Канторович - автор этой книги.

И таким он предстает перед читателем в этой мужественной, человечной и чистой книге.

1964



https://www.youtube.com/watch?v=b2SAgjCmP-g